

Г. В. Бурцев, А. А. Казаков,
Национальный исследовательский Томский государственный университет

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ РЕЦЕПЦИИ Р. Д. БРЭДБЕРИ В ТВОРЧЕСТВЕ БРАТЬЕВ А. Н. И Б. Н. СТРУГАЦКИХ (ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И Ф. КАФКИ)

Проблема и цель. В статье поставлена проблема интертекстуального контекста рецепции Р. Д. Брэдли в творчестве братьев А. Н. и Б. Н. Стругацких. Цель – изучить один из аспектов этого контекста – художественное наследие Ф. М. Достоевского и Ф. Кафки как фон для восприятия мира Брэдли братьями Стругацкими.

Методология. Взаимодействие контекстов Ф. М. Достоевского, Ф. Кафки, Р. Брэдли, А. Н. и Б. Н. Стругацких рассматривается с применением методов компаративного исследования.

Результаты. Достоевский и Кафка – важные ориентиры и в сфере фантастического моделирования социально-философской и экзистенциальной проблематики, и в области антиутопической тематики. Но влияние этих писателей на Брэдли и Стругацких, а также на восприятие русскими писателями американского фантаста оказалось разным по интенсивности.

Выводы. Достоевский оказывает существенное влияние на Брэдли и Стругацких, причём последние воспринимают американского мастера именно как представителя антиутопической традиции Достоевский – Хаксли – Брэдли. Воздействие Кафки более ограничено, возможно, потому что не произошла адаптация и рационализация притчевой символики мира пражского писателя в рамках антиутопической линии XX в. (как это случилось с Достоевским). Между фантастами второй половины XX столетия и Кафкой не было значимых посредников (наподобие Хаксли в связи с наследием Достоевского).

Ключевые слова: Р. Брэдли, братья Стругацкие, Ф. М. Достоевский, Ф. Кафка, интертекст, рецепция, русско-американские литературные связи, антиутопия, высокая фантастика.

1950 – 1980-е гг. – время расцвета «высокой» научной фантастики, в основу которой заложены социально-философские проблемы, вопросы перспектив развития человечества, сущности человека. Сам момент истории подталкивает к такой проблематике: мир перешёл в новый этап научно-технического прогресса, будущее оказалось прямо на пороге. С другой стороны, обнаружилась недостаточность существующих путей социального развития (как западноевропейского или американского, так и советского).

Виднейшими представителями высокой фантастики в американской и русской литературе этого периода были Р. Брэдли и братья Стругацкие. Несмотря на идеологические преграды, творческие поиски этих писателей не были изолированы друг от друга. Если Р. Брэдли имел мало информации о современной ему русской литературе и у нас нет сведений о его знакомстве с творчеством советских мастеров фантастической прозы, то А. и Б. Стругацкие очень хорошо знали произведения американского писателя, более того, считали его современным эталоном подлинной фантастики.

Проблема и цель. Художественное влияние никогда не бывает исключительным, писатель, которого выбрали ориентиром, не стоит в одиночестве в пустом поле – его голос звучит в полифоническом хоре других предшественников и «учителей». Поэтому очень важно учитывать интертекстуальный контекст литературного взаимодействия.

В этой работе будет рассмотрен один из аспектов этого контекста – творческое наследие Ф. М. Достоевского и Ф. Кафки как фон литературного влияния Р. Брэдли на братьев Стругацких.

Эти классики интересны тем, что программно выходят за рамки упрощённо-реалистической модели действительности, дополняют её мистериально-символическим – по сути фантастическим (Достоевский прямо говорит о фантастическом как об инструменте обогащения картины реальности). Правда, у Достоевского и Кафки при этом не идёт речь о заведомой условности фантастического – для них это именно открытие тайного, глубинного измерения действительности. Кроме того, у них художественный эксперимент не связан с принципами научной фантастики – всё это отдаляет названных великих писателей от высокой фантастики второй половины XX в. Но именно Достоевский и Кафка своим творчеством показывают огромный потенциал фантастического миромоделирующего эксперимента при решении социально-философских и экзистенциальных вопросов, благодаря этим классикам вырабатывается серьёзное отношение к этому методу, без чего не было бы возможно существование высокой фантастики.

Методология. Взаимодействие контекстов Ф. М. Достоевского, Ф. Кафки, Р. Брэдли, А. Н. и Б. Н. Стругацких изучено с применением методов компаративного исследования.

Результаты. Отправной точкой творческой рецепции братьями Стругацкими творчества Брэдбери становится знакомство с романом «451 градус по Фаренгейту», который Борис Стругацкий переведил для личного чтения. Официально эта антиутопия Р. Д. Брэдбери была издана в СССР в 1958 г. А. Н. и Б. Н. Стругацкие называли в качестве своих учителей разных писателей, от Жюль Верна и Герберта Уэллса, А. Н. Толстого и И. А. Ефремова до Айзека Азимова и Станислава Лема. В этом ряду значимое место занимает и Брэдбери. Так, например, в одном из своих писем в 1959 г. к Борису Стругацкому Аркадий, успокаивая брата, пребывающего в творческом кризисе, напишет: «Мы же только начали. Нам ещё расти и расти. Хочешь сразу в Брэдбери?» [1, с. 390]. В период с 1950-х по 1964 г. Стругацкие в переписке неоднократно оценивают творчество Брэдбери как литературный эталон, в том числе в сравнении с другими современными фантастами: «А подниматься до уровня Хайнлайна – тоже невелика честь. Вот до Брэдбери бы» [2, с. 40]. «А уж насчёт уровня и тем более странно. Если уровень Брэдбери – это лестно. А если уровень какого-нибудь Блиша – это хамство» [3, с. 80].

Еще в 1960-е гг. некоторые параллели между Р. Брэдбери и братьями Стругацкими отмечали критики, например А. Г. Громова [4]. Но в целом проблема влияния Р. Брэдбери на братьев Стругацких не стала предметом систематического изучения (хотя другие литературные связи русских фантастов рассматривались многократно – см. [5], [6], [7], [8], [9]) – исследователи лишь иногда отмечают частные параллели (например, А. В. Фролов указывает на связи между «Марсианскими хрониками» американского фантаста и повестью Стругацких «Полдень. XXII век» [7, с. 75]). Впрочем, нужно помнить указание самих Стругацких, что совпадения с Брэдбери в раннем творчестве случайны и американского фантаста они прочли позже. Сорокин в «Хромой судьбе» (этого героя можно в данном вопросе соотнести с самими писателями) утверждает: «Я писал свои “Сказки”, представления не имея, что у меня получаются “Марсианские хроники” навыворот: цикл смешных и грустных историй о том, как осваивали нашу Землю инопланетные пришельцы» [10, с. 402].

Несмотря на высокую оценку Брэдбери Стругацкими, буквального сходства между творческими мирами писателей нет, а некоторые очевидные параллели между их произведениями могут быть объяснены не прямым влиянием, а общим идеологическим и художественным контекстом эпохи. Американский писатель является для советских авторов не объектом прямого копирования, а ориентиром при определении принципов и приоритетов творчества, методов фантастического осмысления действительности. Брэдбери важен для Стругацких как один из современных мастеров высокой фантастики (то есть фантастики с социально-философской или экзистенциальной проблематикой и с требованиями к художественному качеству на уровне «большой» литературы). Поэтому для понимания природы творческого диалога Брэдбери и Стругацких важно уяснение интертекстуального контекста их миров. Кто из литературных предшественников повлиял в равной степени и на Брэдбери, и на Стругацких? В какой литературный ряд русские писатели вписывали американского фантаста?

Для частичного ответа на этот вопрос проанализируем место наследия Достоевского в творческом диалоге Брэдбери и Стругацких.

Как отмечал американский писатель в интервью «Аргументам и фактам», классическая русская литература XIX в. ему хорошо знакома: «В моём развитии как писателя огромную роль также сыграли Чехов и Пушкин, хоть они и не писали ничего про космос» [11]. В том же интервью, отвечая на вопрос, что бы писатель сделал с машиной времени, Брэдбери высказывает желание пообщаться с Достоевским и Толстым.

Американский писатель познакомился с творчеством Достоевского в возрасте двадцати лет: «Из его книг я узнал, как нужно писать романы и рассказывать истории. Я читал и других авторов, но, когда я был моложе, Достоевский был главным для меня» (цит. по: [12]).

В известных общих высказываниях о русской литературе звучат усреднённые представления западной культуры о «русской душе» – Брэдбери считает главной темой человеческой любви и страдания: «Они умеют любить как никто другой. Вот что я думаю. В этом убеждают меня русская литература, русские фильмы» (цит. по: [13, с. 243]).

Контекст произведений показывает его интерес к более сложным проблемам русской литературы и конкретно к творчеству Достоевского: вопросам свободы, вины, страдания, противоречивости природы человека, готовности к отказу от духовности и т. д.

Не вызывает сомнений диалог с Достоевским в рассказе Брэдбери «Наказание без преступления» (1950). Проблематика права на преступление здесь помещена в мир, в котором можно перенести запретные желания с человека на его механический заместитель, марионетку. (Брэдбери, «чрезвычайно эмоциональный и бескомпромиссный критик технологического прогресса в его мыслимых крайностях» [14, с. 200], очень часто использует мотив замены человека машиной.)

В силу того, что прямого преступления против другого человека здесь нет, в центре внимания автора оказывается сама устремлённость человека ко злу, жажда убийства. Герой рассчитывает на преступление без наказания, он убежден, что обладающие высоким финансовым статусом имеют право на убийство. Он приходит в магазин марионеток с заказом на убийство копии своей жены: «Да, куча денег... Но богатые люди могут позволить себе роскошь “очищающего убийства”» [15, с. 141]. Идея Родиона Раскольникова обыграна Брэдбери в контексте общества потребления, товарно-денежных отношений. Право имеет богатый человек.

Соотнесённость с романом Достоевского в этом рассказе не только на уровне общей проблемы. Герою, как и Раскольникову, перед «убийством» снится его прошлое. В этом сне проявляется его человеческая душа, противодействующая преступлению, пусть она и подавлена в данный момент и может подать голос только таким образом. Хиллу, герою рассказа, снятся сцены возвышенных романтических отношений с женой в прошлом, которые уже невозможны в настоящем.

Итог рассказа противоположен замыслу героя: вместо преступления без наказания выходит наказание без преступления. Мистера Хилла арестовывают и приговаривают к смертной казни, хотя фактического убийства он не совершал: он убил машину. В таком итоге есть свой смысл: в преступлении важнее всего внутренняя готовность к нему, желание зла. Но и абсурдность такой развязки важна – она позволяет подумать о бессмысленности, бесчеловечности и безнравственности того, что общество может противопоставить преступному выбору человека.

Параллели с «Преступлением и наказанием» есть и в одном из главных произведений Брэдбери – романе «451 градус по Фаренгейту» (1953). Прямые указания Брэдбери на диалог с Достоевским в этом романе нами не найдены, поэтому следующие наблюдения имеют гипотетический характер, хотя степень достоверности этих предположений высока (роман опубликован лишь на три года позже только что разобранный рассказ).

В романе можно обнаружить сходство между духовными страданиями Гая Монтэга и Родиона Раскольникова. В первой главе, «Очаг и Саламандра», как и в романе «Преступление и наказание», завязкой внутреннего конфликта служит эпизод убийства – убийства миссис Блейк.

В «Преступлении и наказании» решение Раскольникова продиктовано экспериментом героя-идеолога и толкает его к очищающим страданиям, а в американской антиутопии для Монтэга самосожжение пожилой леди оборачивается встречей с Библией и последующими духовными терзаниями.

В сюжете важная роль отводится Библии, что в целом нехарактерно для американского фантаста, в то время как она занимает определяющее место в «Преступлении и наказании». Украд Библию, Гай Монтэг совершает преступление против общественных ценностей, но она же становится ориентиром на пути его душевного исцеления.

Можно говорить о родстве образов Клариссы и Сони Мармеладовой как духовных наставников Гая Монтэга и Родиона Раскольникова. Книга Екклезиаста ведёт Монтэга к духовным поискам и к последующей встрече с Клариссой. Кларисса помогает Гаю увидеть пустоту и несовершенство его жизни, как Соня Мармеладова – Родиону Раскольникову.

В экранизации «451 градус по Фаренгейту», снятой Трюффо, «Преступление и наказание» Достоевского фигурирует среди других книг в эпизоде сожжения миссис Блейк [16, с. 224]. В новой экранизации антиутопии Брэдбери, от Бахрани, контекст Достоевского также обнажается: Гай Монтэг вместо Екклезиаста забирает книгу «Записки из подполья» Федора Михайловича Достоевского. Впоследствии это произведение Гаю читает Кларисса (а не Фабер, как у Брэдбери), когда Монтэг просит научить его понимать книги, что может быть сближено с чтением Библии Соней Мармеладовой для Родиона Раскольникова. Несмотря на то, что у нас нет твёрдых доказательств диалога с Достоевским в названном романе Брэдбери, эти связи были отмечены в процессе кинематографической рецепции этого произведения.

Очень важен интертекст Достоевского и для понимания общих антиутопических принципов Брэдбери. «Записки из подполья», «Бесы», «Дневник писателя» и в особенности «Великий инквизитор» из «Братьев Карамазовых» традиционно считаются одним из важнейших истоков антиутопии XX в. [17, 18]. Так как у нас нет материальных доказательств влияния Достоевского на антиутопические произведения Брэдбери, недвусмысленные переключки могут быть объяснены не прямым заимствованием, а произведениями-посредниками, например романом О. Хаксли «О дивный новый мир», в котором интертекст «Великого инквизитора» Достоевского можно подтвердить объективно. Американский фантаст воспринимал Хаксли как своего кумира [19] (о связи между Хаксли и Брэдбери см. также работу Д. В. Константинова [20]).

Но этот аспект возможного взаимодействия Достоевского и Брэдбери может стать предметом изучения и без конкретного материального доказательства, потому что нам он интересен как интер-

текстуальный фон рецепции братьев Стругацких. А русские фантасты воспринимали американского писателя именно в таком литературном ряду.

Мрачная картина возможного будущего для человечества и у Достоевского, и у Брэдбери строится на основе материального изобилия, сытости, что покупается ценой свободы: «Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас» (Ф. М. Достоевский) [21, с. 231].

В романе «451 градус по Фаренгейту» показан мир, в котором торжествует потребительское счастье массового человека, основанное на отказе от свободы и собственной индивидуальности.

Но если этот контекст схож почти для всех антиутопий, то родство образов брандмейстера Битти и Великого инквизитора более непосредственно указывает на возможное влияние Достоевского. Ведь его роль заключается в *сожжении* всего того, что угрожает стабильности существующего миропорядка, то есть он действует так же, как инквизиция. Преследуются вредные идеи и их носители, от книг до людей. Брандмейстер Битти сам видит параллель между сожжением старухи и аутодафе противников возвращения англиканской церкви в лоно католической [22, с. 38]. Он сторонник «иллюзорного счастья», т. е. счастья, строящегося на обмане, в который не верят главные идеологи этого «счастья». Такую концепцию антиутопии, впрочем, Брэдбери мог позаимствовать не в «Великом инквизиторе», а в романе «О дивный новый мир» О. Хаксли, написанном под заметным влиянием Достоевского.

У Брэдбери люди лишаются свободы тоже добровольно, а не насильственно. Брандмейстер Битти, как и Великий инквизитор, понимает, что народ сам выбирает «счастье, истолкованное им», отказываясь от свободы [22, с. 76].

Творчество Ф. М. Достоевского в читательском кругозоре братьев Стругацких по понятным причинам занимает гораздо более значимое место. С его произведениями они познакомились в раннем детстве. В частности, Борис Стругацкий в интервью описывает свой читательский круг в годы войны: «Я знал таких писателей, о которых нынче в России, наверное, мало кто слышал, – скажем, Верхарна, или Пьера Мак-Орлана, или Анри де Ренье, или Андре Жида. Там был полный Мопассан, почти полный Достоевский, разрозненные тома Салтыкова-Щедрина. И, разумеется, Дюма, Рабле, Шарль де Костер. Были даже разрозненные тома Луи Буссенара и Луи Жаколио – в те времена их было не достать ни в каких библиотеках» [23, с. 63].

Братья Стругацкие неоднократно причисляли Достоевского наряду с Гоголем к родоначальникам традиций совмещения фантастики и реализма: «Поэтому с этой точки зрения фантастика имеет, несомненно, богатейшую историю (ибо первыми литературными произведениями были мифы, сказки и легенды), и вклад ее в золотой фонд, очевидно, велик: и Достоевский, и Пушкин, и Франс, и Щедрин пользовались приемами фантастики, а Гоголя, например, французские фантасты считают попросту родоначальником этого вида литературы» [24, с. 229]. Осмысление Достоевского в жанрово-типологическом русле фантастико-реалистической традиции вполне соответствует пониманию братьями Стругацкими функций и роли научной фантастики, которую последние осмыслили как развитие реалистической традиции.

Для Достоевского очень важна проблема фантастического. В 1869 г. в письме к Н. Н. Страхову писатель указывает: «У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по-моему, не есть еще реализм, а даже напротив» [25, с. 19].

Осмысление нравственно-философской проблематики романа Достоевского «Преступление и наказание» можно проследить в романе братьев Стругацких «Трудно быть богом». Само название подразумевает развитие вопроса Раскольникова «тварь я дрожащая или право имею». Братья Стругацкие ставят своего героя в положение «человекобога». Дарко Сувин пишет о родстве проблематики романа «Трудно быть богом» с «Легендой о Великом инквизиторе» из «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского [26].

Марк Амусин в статье «Избирательное сходство (Достоевский в мирах братьев Стругацких)» рассматривает проблему существования человеческой духовности в обществе изобилия. Братья Стругацкие, по мнению литературоведа, предлагают своё решение этой коллизии в своих ранних произведениях «Стажёры» и «Полдень XXI век»: «Персонажи этих книг, живущие в изобильном и благополучном будущем, заняты не своими частными интересами и проблемами, а трудом, расширением границ познания, покорением пространства и времени – ради всеобщего блага, но и для удовлетворения собственного любопытства, для ощущения полноты и радости жизни» [27, с. 174]. В этот период своего творчества советские писатели полемизируют с Достоевским. Потомки, по их мнению, не будут серой массой и сибаритами, если их жизнью будут править принципиально новые ценности – тяга к знаниям, альтруизм.

Свой ответ на идеологический вызов Достоевского братья Стругацкие переосмысливают в романе «Хищные вещи века». На этот раз человек, попавший в общество изобилия, деградирует. Им движут материалистические и низменные потребности. Далее антиутопическое переосмысление глубинных тем Достоевского в мире Стругацких будет только расширяться.

Как считает М. Амусин, образ Лэна в «Хищных вещах века» связан с проблематикой принесения в жертву невинного ребёнка, иначе говоря, с темой «слезинки ребёнка» из нравственно-философского контекста Ф. М. Достоевского [27, с. 178].

Заметим от себя, что Брэдбери, напротив, больше интересуется не проблемой невинной жертвы, а темой детского существования вне вины и ответственности. В рассказе «Вельд» показан мир, в котором люди не хотят взрослеть, желают остаться навсегда в инфантильной безответственности, как в «Великом Инквизиторе» Достоевского или «О дивном новом мире» Хаксли.

У Брэдбери сохраняется лишь общая идея губительности вечного детства и отказа от ответственности, сюжетного сходства нет: в рассказе «Вельд» идёт речь о детях, которые не хотят выходить из игровой комнаты и убивают родителей.

В наибольшей степени на братьев Стругацких оказывают влияние мрачные размышления Ивана Карамазова о природе человека и будущем человечества в «Великом инквизиторе». Проанализируем наиболее важные случаи обращения к этой части наследия Ф. М. Достоевского у русских фантастов.

Первым опытом интерпретации «Великого Инквизитора» в рамках антиутопической традиции Стругацких можно считать «Трудно быть богом». В существенной степени созвучие обеспечивается испанским колоритом, топонимами и проблемой религиозной тирании. Дон Рэба – идеолог философии социального подавления. Разговор Дона Рэбы и Руматы можно условно сопоставить с диалогом Инквизитора и Иисуса. Румата, носитель новой морали, пугает Рэбу, и он стремится защититься от него не только свои интересы, но и весь мир.

Следующий шаг этого творческого диалога с Достоевским – роман «Хищные вещи века». Доктор Опир проповедует новую религию «золотого тельца» и «изобилия». Он постиг человеческую природу и увидел её цель в пресыщении потребностей. Ради этой истины он, как и Великий Инквизитор, отвергает старую веру (для Опира это вера в научный поиск истины, который признаётся ненужным и даже вредным).

В этом романе заметно влияние не только Достоевского, но и Хаксли, который сам многое заимствует у автора «Братьев Карамазовых». Опир – новый вариант Мустафы Монда. Антиутопия Стругацких и Хаксли строится на рациональной основе, на базе извращённой науки, отказавшейся от своей изначальной сути, – это их отдаляет от Достоевского. Люди подавляются не при помощи дьявола и чуда, как в «Великом инквизиторе», а вполне материальными способами, например при помощи наркотиков (сома у Хаксли, слег у Стругацких).

Такое же перекрёстное влияние Достоевского и Хаксли можно видеть в «Обитаемом острове»: сами правители антиутопического мира не одурманены идеологической ложью, они несут бремя правды. Как уже говорилось, похожим образом действует брандмейстер в «451 градусе по Фаренгейту» Брэдбери, то есть интертекстуальный контекст Достоевского и Хаксли подсвечивает рецепцию произведений американского фантаста у Стругацких. И наоборот, восприятие Достоевского и Хаксли дополняется переосмыслением Брэдбери.

Именно этот слой наследия Достоевского – антиутопический потенциал «Великого инквизитора» – один из наиболее важных интертекстуальных контекстов творческого взаимодействия Брэдбери и братьев Стругацких (в меньшей степени важна также проблематика «Преступления и наказания»). Возможно, Брэдбери не черпает идеи напрямую из «Братьев Карамазовых» (частью этого романа является «Великий инквизитор»): у нас нет твёрдых доказательств такого заимствования. Но даже если американский фантаст знакомится с этим идейным комплексом не из первоисточника, у Достоевского, а у Хаксли и других антиутопистов, Стругацкие воспринимают его на фоне великого русского романиста.

При этом Хаксли и Брэдбери переосмысливают идеи Достоевского, приближая к тому ракурсу художественного рассмотрения, который используют Стругацкие. Мрачная религиозно-философская притча Ивана Карамазова превращается в материалистическое и рациональное фантастическое моделирование. И такой подход намного ближе для русских фантастов.

Достаточно важным ориентиром и для Брэдбери, и для Стругацких был Франц Кафка. Характерно, что сам Кафка испытывает заметное влияние Достоевского (см. по этой теме: [28], [29, с. 709–711], [30]). Русский классик часто упоминается в дневниках пражского писателя, в письме Фелиции от 2 сентября 1913 г. Кафка называет Достоевского одним из его «кровных родственников». В художественном мире русского прозаика Кафку интересует антропология подпольного сознания, ирра-

циональности, безумия, абсурда – эта линия преемственности позже будет подхвачена литературным экзистенциализмом, но не очень актуальна для высокой фантастики второй половины XX в.

Для Брэдбери и братьев Стругацких пражский гений, наряду с Достоевским, значим и как исток серьёзного отношения к фантастическому, и как ориентир для антиутопических исканий.

Мы далеки от того, чтобы приписывать произведениям Кафки буквальный антиутопический смысл, но в 1950 – 1980-е гг. такое прочтение его наследия было достаточно авторитетным [31], а именно эти годы были временем формирования и расцвета творческой самобытности Брэдбери и Стругацких.

Для Брэдбери Кафка является именно выразителем антиутопического духа XX в.: «В попытке сделать жизнь для всех очень хорошей мы можем в конечном счете сделать ее для всех очень плохой. «Утопия» во многих отношениях такое же предупреждение людям, как и, скажем, «антиутопия» Оруэлла. Тут начинается сфера деятельности правительств, а они сверх определенного предела не внушают мне особых симпатий – о какой бы стране ни шла речь. В США, например, та же проблема, что у вас: бюрократический аппарат растет и растет. Пора бы уже сказать: «Довольно! Дайте мне возможность иметь дело с конкретным человеком. Кафкианский замок нам не нужен» [32, с. 24].

Мотивы Кафки, отсылки к нему рассеяны по многим произведениям американского писателя.

Н. В. Маркина предполагает, что Брэдбери в рассказе «Превращение» (1981) соединяет мотивы одноимённой новеллы Кафки и повести Герберта Уэллса «Остров доктора Моро» [33, с. 13]. М. И. Киселева также сопоставляет эти новеллы, только она опирается на перевод, в котором название Брэдбери (“Chrysalis”) перенесено на русский язык как «Куколка». По мнению исследователя, их роднит проблема диалектического взаимодействия общего и индивидуального, в результате конфликта которых герой обречён на «отчаянное одиночество» [34].

Можно увидеть параллели между романами «451 градус по Фаренгейту» и «Процесс». Но следует отметить, что в этом случае аллюзии исключительно гипотетические. Люди будущего у Брэдбери, как и герои Кафки, не имеют представления о смысле того, что происходит вокруг них. Они бесправны и беспомощны против системы. Казнь непокорных у Брэдбери происходит при помощи механического пса – нет ли здесь отсылки к словам «как собаку», которые произносит Йозеф К. во время казни?

В центре романа Брэдбери, как и у Кафки, проблема отчуждения. У американского писателя оно мотивируется природой массового человека: «Нас слишком много, – думал он. – Нас миллиарды, и это слишком много. Никто не знает друг друга. Приходят чужие и насильничают над тобой. Чужие вырывают у тебя сердце, высасывают кровь. Боже мой, кто были эти люди? Я их в жизни никогда не видал» [22, с. 17].

Для Брэдбери, как и для Кафки, важны мотивы сна, пробуждения, зыбкости границы между сном и явью. На пути к Фаберу Монтэг видит сон, в котором он пытался наполнить сито песком (повидимому, ещё одна метафора массового человека, наряду, конечно, с образом времени). Когда герой просыпается, ему трудно различить сон и реальность: «Не трудятся, не прядут...» Сухой шелест песка, просыпающегося сквозь пустое сито. – Денгэм освежает!..» [22, с. 69].

Мотивы Кафки в этом романе Брэдбери присутствуют лишь предположительно. И маловероятно, что братья Стругацкие воспринимали американского фантаста именно как продолжателя пражского писателя.

В одном из поздних произведений, «Смерть – дело одинокое» (первой части «Голливудской трилогии»), создаётся фарсовая картина современной литературы, в которой торжествует абсурд, дегуманизация, иррациональность. И одним из элементов этой картины оказывается Кафка:

«– Что за черт? Что все это значит? – спросил он. И стоявшие за его спиной покрытые пылью Шопенгауэр и Ницше, Шпенглер и Кафка тоже недоуменно перешептывались, подперев руками свои безумные головы: «Что все это значит?» <...> Этот устрашающий бастион, таящий в себе смертные приговоры, этот перечень поражений, этот литературный Апокалипсис, нагромождение войн, склок, болезней, депрессий, эпидемий, этот водоворот кошмаров, эти катакомбы бреда и головоломных лабиринтов, в которых бьются, ища выход и не находя его, обезумевшие мыши и взбесившиеся крысы» [35, с. 416].

Исходя из этого, можно предположить, что восприятие наследия Кафки у Брэдбери изменяется со временем: от рационализированной антиутопической трактовки до признания (правда, отстранённого) определяющей роли проблемы абсурда человеческого существования.

Стругацкие, напротив, сразу видят в Кафке именно притчево-экзистенциальную проблематику; также их внимание привлекает расширение представлений о границах реального и нереального.

В 1963 г. Аркадий Стругацкий знакомится с «Процессом» Кафки и комментирует в письме: «Манера нарочито нереалистическая, какая-то старомодная, не то Гофман, не то Карамзин, невысказанные в жизни ситуации и герои, а более реалистического впечатления я не получал ни у Толстого, ни у Хемингуэя» [36, с. 47]. Позднее Стругацкие конкретизируют своё понимание проблематики Кафки.

На вопрос Аркадия Стругацкого о возможности предсказания феномена фашизма австрийским писателем Борис отвечает: «Он почувствовал вещь гораздо более глубокую и общую: иррациональность человеческого существования» [37, с. 445]. Иначе говоря, Стругацкие сразу отказываются от узкого антиутопического толкования наследия Кафки.

Спустя два года в печать выходит «Улитка на склоне», в которой выстраивается полемический диалог с Кафкой. Сам Б. Н. Стругацкий в одном из интервью подтверждал наличие кафкианской подоплёки в этом произведении: «Очень нравился тогда характерный для Кафки прием: описание мира, как призрачной зоны перехода от сна к реальности. Этот прием мы вполне сознательно и с удовольствием применили пару раз в «Улитке» [38, с. 447].

В. Дмитриевский считает, что сюжет ветки Переца построен по фабуле произведения «Процесс», тогда как сюжетная линия Кандида – это попытка решить вопрос иррациональности человеческого существования [39, с. 608].

Анализируя параллели между «Процессом» и «Улиткой на склоне», А. Фролов усматривает родство между конфликтом Переца с системой и историей Йозефа К. [7, с. 187]. Изначально, приехав в Управление, Перец ощущает себя чужим по отношению к коллегам и окружающим. Он не понимает смысла своей работы и пребывания там. В попытках встретиться с директором герой погружается в бюрократическую трясину. В мире Управления всё предопределено и не может меняться: «Как шоссе не может свернуть произвольно влево или вправо, а должно следовать оптической оси теодолита, так и каждая очередная директива должна служить континуальным продолжением всех предыдущих» [40, с. 599]. В той же мере не осознают своего предназначения и сами работники Управления: «Пусик, миленький, ты не вникай, я этого сама ничего не понимаю, но это даже хорошо, потому что вникание порождает сомнение, сомнение порождает топтание на месте, а топтание на месте – это гибель всей административной деятельности, а следовательно, и твоя, и моя, и вообще» [40, с. 600].

Управление – образ обесчеловеченной рациональности. Последнюю надежду на осмысленность человеческой жизни, в этом случае иррациональную, воплощает в романе Стругацких Лес. Лес – мифическое пространство, в котором стирается граница между сном и реальностью. Когда Перец обнаруживает, что и Лес столь же абсурден и бессмыслен, как и Управление, он окончательно отчуждается от мира.

Стругацкие позже признали временный характер влияния Кафки на их художественные поиски: ««Улитка» писалась под сильнейшим влиянием Кафки. Мы только что прочитали «Процесс» и пришли от него в восхищение. Но влияние Кафки «Улиткой» и ограничилось. Оказалось, что кафкианский мир «ограничен», он не допускает повторения и продолжения. Исчерпывает себя раз и навсегда» [41].

В целом можно заключить, что наследие Кафки становится ориентиром гораздо реже, несмотря на то, что в его творчестве, как и у Достоевского, решаются проблемы и серьёзного использования фантастического моделирования, и антиутопических перспектив человеческой жизни. Антиутопическое здесь является побочной линией, если не сказать потенциально возможной, – Кафка в первую очередь пишет о современном положении человека в отчуждённом мире, а не о предполагаемом мрачном будущем. Но то же касается и русского классика – когда мы говорим об антиутопии, мы сильно перемещаем акценты, заложенные самим автором.

Возможно, по отношению к Кафке у писателей-фантастов ещё не было достаточной культурно-исторической дистанции, и главное, по сути не было посредников, которые бы переосмыслили идеи великого предшественника в близком фантастам духе. В случае с Достоевским для Брэдбери такое опосредование осуществил Хаксли, для Стругацких – и Хаксли, и Брэдбери. А между Кафкой и мастерами фантастики такой фигуры не было. Дж. Оруэлл, в котором сильнее чувствуется кафкианский подтекст, издал роман «1984», когда уже была написана и опубликована первая глава антиутопии «451 градус по Фаренгейту».

Выводы. Достоевский и Кафка – важные ориентиры и в сфере фантастического моделирования социально-философской и экзистенциальной проблематики, и в области антиутопической тематики. Но влияние этих писателей на Брэдбери и Стругацких, а также на восприятие русскими писателями американского фантаста оказалось разным по интенсивности.

Достоевский оказал существенное влияние на Брэдбери и Стругацких, причём последние воспринимают американского мастера именно как представителя антиутопической традиции Достоевский – Хаксли – Брэдбери. Воздействие Кафки более ограничено, возможно, потому что не произошла адаптация и рационализация притчевой символики мира пражского писателя в рамках антиутопической линии XX века (как это случилось с Достоевским). Между фантастами второй половины XX столетия и Кафкой не было значимых посредников (наподобие Хаксли в связи с наследием Достоевского).

Библиографический список

1. Стругацкие А. Н. и Б. Н. Письмо Аркадия Брату 1959 // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. / сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. М.: АСТ, 2008. С. 389–392.
2. Стругацкие А. Н. и Б. Н. Письмо Аркадия Брату, 30 марта 1963 // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. / сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. Киев: НКП, 2009. С. 40–41.
3. Стругацкие А. Н. и Б. Н. Письмо Аркадия Брату, 25 октября 1963 // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. / сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. Киев: НКП, 2009. С. 80–81.
4. Громова А. Г. Молнии будут служить добру // Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. / сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. Киев: НКП, 2009. С. 328–331.
5. Милославская В. В. Творчество А. и Б. Стругацких в контексте эстетических стратегий постмодернизма: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 : защ. 18.12.2008 [место защиты: Ставроп. гос. ун-т] / Милославская Виктория Владимировна. Ставрополь, 2008. 184 с.
6. Potts S. W. The second Marxian invasion: the fiction of the Strugatsky Brothers. San-Bernardino: The Borgo Press, 1991. 104 p.
7. Фролов А. В. Трансформация мироощущения героя и автора в процессе творческой эволюции Аркадия и Бориса Стругацких («Далекая Радуга» – «Улитка на склоне» – «Град обреченный») : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 : защ. 19.05.2016 [место защиты: Моск. гос. обл. ун-т] / Фролов Алексей Владимирович. Брянск, 2016. 221 с.
8. Бирюзова Н. А. Мотив «Второго Пришествия Христа» в русской литературе XIX–XX вв. : На материале произведений Ф. М. Достоевского, М. А. Булгакова, А. и Б. Стругацких, Б. Акунина : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 : защ. 19.11.2010 [место защиты: Рос. ун-т дружбы народов] / Бирюзова Надежда Александровна. М., 2010. 186 с.
9. Ерохина Т. И., Абовян А. А. Трансформация антиутопии в контексте массовой культуры: О. Хаксли «Дивный новый мир», А. и Б. Стругацкие «Хищные вещи века» // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 275–282.
10. Стругацкие А. Н. и Б. Н. Хромая судьба // А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 8 : 1979–1984 гг. / сост. А. Нечаев. СПб. : Terra Fantastica Издательского Дома Corvus, 2001. 736 с.
11. Брэдбери Р. Интервью издания «Аргументы и Факты». 2005. [Электрон. ресурс] // Рэй Брэдбери.Ru. URL: http://raybradbury.ru/person/interview/2005_aif/ (дата обращения: 10.04.2018).
12. Биография Рэя Брэдбери [Электрон. ресурс]. URL: <http://raybradbury.ru/person/bio/> (дата обращения: 10.04.2018).
13. Прашкевич Г. М. Брэдбери(ЖЗЛ). М. : Молодая гвардия, 2014. 351 с.
14. Стругацкие А. Н. и Б. Н. Ответы советскому шахтеру 26 июня, 1973 г. // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Стругацкие. Материалы к исследованию: письма, рабочие дневники. 1972–1977 г. / сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. Киев: НКП, 2009. С. 193–194.
15. Брэдбери Р. Наказание без преступления / пер. с англ. Я. Берлина // Р. Брэдбери. Холодный ветер, теплый ветер : сб. научно-фантастических рассказов. М. : Мир, 1983. 409 с.
16. Ханютин Ю. М. Предупреждение из будущего // Реальность фантастического мира: проблемы западной кинофантастики. М., 1977. 304 с.
17. Morson G. S. Boundaries of Genre: Dostoevsky's Diary of a Writer and the Traditions of Literary Utopia. Austin, TX: University of Texas Press, 1981. 219 p.
18. Воробьева А. Н. Русская антиутопия XX – начала XXI века в контексте мировой антиутопии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 : защ. 25.06.2009 [место защиты: Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского] / Воробьева Александра Николаевна. Саратов, 2009. 48 с.
19. Брэдбери Р. Дело моей жизни // Техника – молодёжи. М., 1980. № 7. С. 46–47.
20. Константинов Д. В. Антиутопии: Будущее без человека // Вестник Томского государственного университета. Томск : Изд-во ТГУ, 2013. № 366. С. 42–48.
21. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 14 : Братья Карамазовы. 510 с.
22. Брэдбери Р. Д. 451 градус по Фаренгейту / пер. с англ. Т. А. Шинкарь // Брэдбери Р. Миры Рэя Брэдбери. Собрание фантастических произведений : в 7 т. Т. 2. Рига : Полярис, 1997. 333 с.
23. Стругацкий Б. Н. Борис Стругацкий отвечает на вопросы Бориса Вишневского // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1942–1962 гг. / сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. М. : АСТ, 2008. С. 63–64.
24. Стругацкие А. Н. и Б. Н. АБС. Стругацкие о Стругацких // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Стругацкие. Материалы к исследованию: письма, рабочие дневники. 1967–1971 гг. / сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. М. : АСТ, 2008. С. 228–230.
25. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л. : Наука, 1986. Т. 29/1. 430 с.
26. Suvin D. On the SF Opus of the Strugatsky Brothers // Suvin D. Position and Presupposition in Science Fiction. London : Macmillan, 1988. Pp. 151–171.
27. Амусин М. Избирательное сходство (Достоевский в мирах братьев Стругацких) // Новый мир. М. 2010. № 9. С. 173–183.

28. Саррот Н. От Достоевского к Кафке / пер. Г. Ноткина // *Неизвестный Кафка*. СПб.: Академический проект, 2003. С. 333–352.
29. Дудкин В. В., Азадовский К. М. Достоевский в Германии (1846–1921) // *Литературное наследство*. М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 1973. Т. 86. С. 659–740.
30. Запека О. А., Егерера А. В. Кафка и Достоевский: Диалог культур // *Вестник славянских культур*. М.: Мос. гос. ун-т дизайна и технологий, 2015. Т. 45, С. 21–34.
31. Гулыга А. В призрачном мире бюрократии (Франц Кафка и его роман «Замок») // *Иностранная литература*. М., 1988, № 3. С. 217–223.
32. Брэдбери Р. Утопии опасны. Интервью советскому журналу // *Эхо планеты*. № 18. М.: Плюс-минус бесконечность, 28 апреля – 4 мая, 1990. С. 24.
33. Маркина Н. В. Художественный мир Рэя Брэдбери: традиции и новаторство: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 : защ. 28.09.2006 [место защиты : Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского] / Маркина Надежда Валериевна. Нижний Новгород, 2006. 21 с.
34. Киселева М. И. Концепция личности в новеллах Р. Д. Брэдбери «Куколка» и Ф. Кафки «Превращение» // *Проблема традиций и взаимовлияния в литературах стран западной Европы и Америки XIX–XX веков : межвузовский сборник*. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1993. С. 43–54.
35. Брэдбери Р. Смерть – дело одинокое / пер. с англ. И. Разумовская // *Брэдбери Р. Смерть – дело одинокое*. М.: Эксмо, 2009. 464 с.
36. Стругацкие А. Н. и Б. Н. Письмо Аркадия брату, 1 мая, 1963 // *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг.* / сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. Киев: НКП, 2009. С. 45–47.
37. Стругацкие А. Н. и Б. Н. Письмо Бориса брату, 12 января, 1966 // *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг.* / сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. Киев: НКП, 2009. С. 445–447.
38. БНС. Офлайн-интервью, 12.07.03 // *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг.* / сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. Киев: НКП, 2009. С. 447.
39. Дмитриевский В. Из архива. Дмитриевский В. Отзыв на «Улитку на склоне» // *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг.* / сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. Киев: НКП, 2009. С. 608.
40. Стругацкий А., Стругацкий Б. *Собрание сочинений: В 11 т. Т. 4: 1964–1966 гг.* СПб.: Terra Fantastica Издательского Дома Corvus, 2001. 624 с.
41. Стругацкий Б. Н. Офлайн-интервью с Борисом Стругацким. Сентябрь 2007. [Электронный ресурс] Аркадий и Борис Стругацкие. Официальный сайт – URL: <http://www.rusf.ru/abs/int0108.htm> (дата обращения: 10. 09. 2019).

G. V. Burtsev,

Postgraduate Student,

National Research Tomsk State University,

36 Lenina ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4878-4054>

e-mail: alan-uchiha@yandex.ru

A. A. Kazakov,

Doctor of Philology, Associate Professor,

National Research Tomsk State University,

36 Lenina ave., Tomsk, 634050, Russian Federation

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9074-231X>

e-mail: akaz75@mail.ru

INTERTEXTUAL CONTEXT OF BRADBURY'S RECEPTION IN THE STRUGATSKY BROTHERS' WORKS (F. M. DOSTOYEVSKY'S AND F. KAFKA'S LITERATURE TRADITION)

Introduction. The article describes the problem of the intertextual context of Bradbury's reception in the Strugatsky Brothers' works. The purpose is to learn one of the aspects of this context – the artistic heritage of Dostoevsky F. M. and Kafka F. as a background for the perception of Bradbury's world by the Strugatsky brothers.

Materials and Methods. The intercommunication between the contexts of Dostoevsky, Kafka, Bradbury and the Strugatsky Brothers is considered using comparative study methods.

Results. Dostoevsky and Kafka are important models in the area of fantastic simulation of social, philosophical and existential problematics and in the field of dystopian subject matter. However, the influ-

ence of these writers on Bradbury and the Strugatsky Brothers, as well as on the perception of the American fantast by the Russian writers has appeared to be different in intensity.

Conclusions. Dostoevsky had a significant impact on Bradbury and the Strugatsky Brothers. The latter ones perceive the American writer as a representative of Dostoevsky – Huxley – Bradbury’s dystopian tradition. Kafka’s impact was much more limited because may be at that moment adaptation and rationalization of parabolic symbolism of his art world had not been formed within the dystopian line of XX century (as opposed to Dostoevsky). There were no worthy mediators between science fiction writers and Kafka in the second half of the XX century (like Huxley in connection with Dostoevsky’s heritage).

Keywords: R. Bradbury, the Strugatsky Brothers, Dostoevsky F. M., Kafka F., intertext, reception, Russian-American literature connections, dystopia, science fiction.

References

1. Strugatsky A. N. and B. N. Arkady’s Letter to Brother 1959 // Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. The Unknown Strugatskys. Letters. Work diaries. 1942–1962 / comp. Bondarenko S. P., Kurilsky V. M. Moscow: AST, 2008. Pp. 382–392. (In Russian).
2. Strugatsky A. N. and B. N. Arkady’s Letter to Brother, 30 March 1963 // Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. The Unknown Strugatskys. Letters. Work diaries. 1963–1966 / comp. Bondarenko S. P., Kurilsky V. M. Kiev: NKP, 2009. Pp. 40–41. (In Russian).
3. Strugatsky A. N. and B. N. Arkady’s Letter to Brother, 25 October 1963 // Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. The Unknown Strugatskys. Letters. Work diaries. 1963–1966 / comp. Bondarenko S. P., Kurilsky V. M. Kiev: NKP, 2009. Pp. 80–81. (In Russian).
4. Gromova A. G. Lightening will serve the good // Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. The Unknown Strugatskys. Letters. Work diaries. 1963–1966 / comp. Bondarenko S. P., Kurilsky V. M. Kiev: NKP, 2009. Pp. 328–321. (In Russian).
5. Miloslavskaya V. V. Works of the Strugatsky Br. in the context of aesthetic strategies of post-modernism. Dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Stavropol, 2008, 184p. (In Russian).
6. Potts S. W. The second Marxian invasion: the fiction of the Strugatsky Brothers. San-Bernardino: The Borgo Press, 1991. 104 p.
7. Frolov A. V. Transformation of the hero’s and the author’s attitude in the process of the Strugatsky Brothers’ creative evolution (Far Rainbow – Snail on the Slope – The Doomed City). Dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Bryansk, 2016. 221 p. (In Russian).
8. Birusova N. A. The motive of “The Christ’s Second Coming” in the Russian Literature of XIX–XX c.: based on the writings of Dostoevsky F. M., Bulgakov M. A., Strugatsky A., Strugatsky B., Akunin B.: Dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2010. 186 p. (In Russian).
9. Erohina T. I., Abovyan A. A. Transformation of dystopia in the context of mass culture: “Brave New World” by Huxley A., “Predatory Things of the Century” by the Strugatsky Br. // Yaroslavskiy Educational Bulletin, 2017. No. 5. Pp. 275–282. (In Russian).
10. Strugatsky A. N. and B. N. “Limping Fate” // Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. Collected Works: in 11 v. V. 8: 1979–1984 / Comp. Nechaev A., Saint Petersburg: «Terra Fantastica» of the Publishing House Corvus, 2001. 736 p. (In Russian).
11. Bradbury R. Interview to the Newspaper «Arguments and Facts». 2005. [Electronic Resource]. Available at: http://raybradbury.ru/person/interview/2005_aif/ (accessed: 10.04.2018) (In Russian).
12. Biography of Ray Bradbury. [Electronic Resource]. Available at: <http://raybradbury.ru/person/bio/> (accessed: 10.04.2018) (In Russian).
13. Prashkevich G. M. Bradbury. Moscow: Molodaya Gvardia Publ., 2014. 351 p. (In Russian).
14. Strugatsky A. N. and B. N. Answers to the Soviet miner 26 June 1973 // Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. The Strugatskys. Materials for Researching: Letters, Work Diaries. 1972–1977 / Comp. Bondarenko S. P., Kurilsky V. M. Kiev: NKP, 2009. Pp. 193–194. (In Russian).
15. Bradbury R. Punishment Without Crime. 1950. // transl. by Ya. Berlin. // R. Bradbury. “Cold Wind, Warm Wind...” Collection of science-fiction stories. M: Mir Publ., 1983. 409 p.
16. Hanutin Yu. M. Warning from the Future // Reality of the Fantastic World: Problems of Western Science Fiction Movies. Moscow, 1977. 304 p. (In Russian).
17. Morson G. S. Boundaries of Genre: Dostoevsky’s Diary of a Writer and the Traditions of Literary Utopia. Austin, TX: University of Texas Press, 1981. 219 p.
18. Vorobieva A. N. Russian Dystopia of XX – beginning of XXI cent. in Context of World Dystopia: Abstract of Dissertation for the degree of Doctor of Philology. Samara, 2009. 48 p. (In Russian).
19. Bradbury R. The Work of my Life // Technics to Youth. 1980, No 7, Pp. 46–47. (In Russian).
20. Konstantinov D. V. Dystopias: Future without a Human // Tomsk State University Journal, 2003, no 366, pp. 42–48. (In Russian).
21. Dostoevsky F. M. The Complete Works and Letters: in 30 v. Leningrad: Nauka Publ., 1976. V. 14. 510 p. (In Russian).

22. Bradbury R. Fahrenheit 451 / transl. by Shinkar T. A. // Bradbury R. Worlds of Ray Bradbury. Collection of Science Fiction Works: in 7 v., V. 2, Polaris, 1997. 333 p. (In Russian).
23. Strugatsky B. N. Boris Strugatsky answers to Boris Vishnevsky // Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. The Unknown Strugatskys. Letters. Work diaries. 1942-1962. / Comp. Bondarenko S. P., Kurilsky V. M. Moscow: AST Publ., 2008. Pp. 63–64. (In Russian).
24. Strugatsky A. N. and B. N. ABS. The Strugatskys about the Strugatskys // Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. The Strugatskys. Materials for Researching: Letters. Work Diaries. 1967-1971. / Comp. Bondarenko S. P., Kurilsky V. M. Moscow: AST Publ., 2008. Pp. 228–230. (In Russian).
25. Dostoevsky F. M. Complete Works and Letters: in 30 v. Leningrad, 1986. V. 29/1. 433 p. (In Russian).
26. Suvin D. On the SF Opus of the Strugatsky Brothers // Suvin D. Position and Presupposition in Science Fiction. London: Macmillan, 1988. Pp. 151-171.
27. Amusin M. Selective Similarity (Dostoevsky in the Strugatskys' worlds) // Novy mir Publ. 2010, No 9. Pp. 173–183. (In Russian).
28. Sarrot N. From Dostoevsky to Kafka / transl. by Notkina G. // Unknown Kafka. Saint-Petersburg: Akademicheskiiy Project Publ., 2003, pp. 333-352. (In Russian).
29. Dudkin V.V., Azadovsky K.M. Dostoevsky in Germany (1846-1921) // Literature Heritage. Moscow: A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 1973, V. 86. Pp. 659-740. (In Russian).
30. Zapeka O. A., Egereva A. V. Kafka and Dostoevsky: Dialogues of Cultures // Slavic Cultures Journal. 2015. V. 45. Pp. 21–34. (In Russian).
31. Gulyga A. In the Shadowy Bureaucracy World (Franz Kafka and his novel “The Castle”) // Foreign Literature Publ. 1988, no 3, pp. 217-223. (In Russian).
32. Bradbury R. Dystopias are Dangerous. Interview to a Soviet Magazine. Moscow: Plus - Minus of Infinity Publ., 1990, pp. 24. (In Russian).
33. Markina N. V. The Art World of Ray Bradbury: Traditions and Innovation: Abstract of Dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Samara. 2006. 21 p. (In Russian).
34. Kiseleva M. I. Conception of Personality in Short Stories of R. Bradbury “Chrysalis” and F. Kafka’s “The Metamorphosis” // The Problem of Traditions and Interference in Literatures of Western European Countries and America in XIX-XX cent.: Inter-University Anthology. Nizhniy Novgorod: NNGU Publ., 1993, pp. 43-54. (In Russian).
35. R. Bradbury. Death is a Lonely Business / transl. by I. Razumovskaya // R. Bradbury Death is a Lonely Business. Moscow: Eksmo Publ., 2009. 464 p. (In Russian).
36. Strugatsky A. N. and B. N. Arkady’s Letter to Brother, 1 May 1963 // Strugatsky A. N. Strugatsky B. N. The Unknown Strugatskys. Letters. Work diaries. 1963-1966. / Comp. Bondarenko S. P., Kurilsky V. M. Kiev: NKP, 2009. Pp. 45–47. (In Russian).
37. Strugatsky A. N. and B. N. Boris’ Letter to Brother, 12 January 1966 // Strugatsky A. N. Strugatsky B. N. The Unknown Strugatskys. Letters. Work diaries. 1963–1966. / Comp. Bondarenko S. P., Kurilsky V. M. Kiev: NKP, 2009. Pp. 445–447. (In Russian).
38. BNS. Off-line Interview, 12. 07. 03 // Strugatsky A. N. Strugatsky B. N. The Unknown Strugatskys. Letters. Work diaries. 1963-1966. / Comp. Bondarenko S. P., Kurilsky V. M. Kiev: NKP, 2009. P. 447 (In Russian).
39. Dmitrevsky V. From Records. Dmitrevsky V. Review of “Snail on the Slope” // Strugatsky A. N. Strugatsky B. N. The Unknown Strugatskys. Letters. Work diaries. 1963-1966. / Comp. Bondarenko S. P., Kurilsky V. M. Kiev: NKP, 2009. P. 608. (In Russian).
40. Strugatsky A., Strugatsky B. Collected Works: in 11 v., V. 4: 1964-1966, Saint Petersburg: “Terra Fantastica” of Corvus Publ., 2001. 624 p. (In Russian).
41. Strugatsky B. N. Off-line Interview with Boris Strugatsky. September 2007. [Electronic Resource] Arkady and Boris Strugatsky. Official website. Available at: <http://www.rusf.ru/abs/int0108.htm> (accessed: 10. 09. 2019). (In Russian).

Поступила в редакцию 28.12.2019

© Г. В. Бурцев, А. А. Казаков, 2019

Авторы статьи:

Глеб Валентинович Бурцев, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Томск, пр. Ленина, 36, e-mail: alan-uchiha@yandex.ru
Алексей Аширович Казаков, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Томск, пр. Ленина, 36, e-mail: akaz75@mail.ru

Рецензенты:

А. Н. Кошечко, доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет.
 Г. В. Косяков, доктор филологических наук, профессор, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации Национального медицинского исследовательского центра им. В. А. Алмазова.